

ТРИ ПОРТРЕТА ЭПОХИ БЕЛОРУССКОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ

Александр ФЕДУТА, «БДГ»

Производство политиков отличается от производства табуреток. Например, тем, что для производства табуреток в условиях рынка используется исключительно качественное сырье (ежели нет собственного - завозят издалека), а производство политиков приходится из того, что есть под рукой. Даже если уровень качества при этом, как любит говорить один из них, «ниже колена».

Данная статья представляет собой попытку разобраться «без гнева и пристрастия», что представляли собой политические имиджи трех последних руководителей советской Беларуси - трех последовательно сменявших друг друга спикеров Верховного Совета нашей страны от принятия Декларации о Независимости Республики Беларусь до объявления о выборах в первый постсоветский белорусский парламент.

I. ЛИЦО. (ДЕМЕНТЕЙ)

Николай Иванович Дементей - последний представитель когорты «советских президентов», начатой некогда дедашкой Калининским, памятник которому до сих пор никому не мешает и мирно стоит напротив столичного Ботанического сада. Должность Председателя Президиума Верховного Совета республики в условиях, когда все вопросы решал Центральный Комитет компартии, а более сложные и спорные вопросы и вовсе переадресовывались союзному «Центру», превращалась в некое подобие должности зип-председателя Фунта из известного романа - ритуальный символ добровольного альянса коммунистов и беспартийных.

Внешне и биографически Николай Иванович полностью соответствовал этой функции. Спокойный пожилой человек, курировавший в партийных органах сельское хозяйство и, по общему признанию, разбиравшийся в этом вопросе достаточно хорошо, инвалид, нигде не подчеркивавший причин (война) состояния своего здоровья, он к моменту своего возвышения был на чистом лишен собственных политических амбиций. Дементей мог быть признан классическим представителем доперестроечного белорусского менталитета. Ярлык, найденный для Белоруссии покойным Адамовичем - «Вандей перестройки», - выражал его предельно точно. Дементей, как большинство жителей французской провинции Вандей времен Марата и Робеспьера, вовсе не был никаким «контрреволюционером», он просто не был «революционером» - и все. Какие тут революции и потрясения! Белорус должен был жить - и жил! - мечтой о спокойной и относительно безбедном существовании, и высшее должностное лицо государства добросовестно делало все от него зависящее, чтобы сохранить главное условие подлинного существования - гражданский мир и согласие. А к этому верный путь, по мнению Николая Ивановича, лежал не столько через бесконечные разговоры о необходимости «згоды», сколько через сохранение политического статус-кво. И тут Дементей был абсолютно прав и полностью отвечал чаяниям большинства белорусов.

Стиль поведения Дементей-спикера полностью отражал его менталитет: полное отсутствие высокомерия и пренебрежения к политическим оппонентам. Николай Иванович не находил в себе порой сил - даже под прикрытием Временного регламента - оборвать заболтавшего депутата - тем более оскорблять его. Его замечания, произносимые

на неповторимой дементеевской «троянке», расходились анекдотами по всей республике. До сих пор многие с улыбкой вспоминают классическое: «Депутат NN! Не стойте в заднем проходе во время голосования!»

Он не стремился обязательно самолично произносить заключительные слова перед каждым голосованием. Дементей-спикер - абсолютно демократичен. Он войсину был не спикером-политиком, а председателем-функцией, не главой, а диспетчером Верховного Совета. И депутатский корпус - вернее, многие его представители - настолько привык к этому, что воспринимал мягкость как должное и одновременно как повод для демонстрации в печати неприкрытой собственной невоспитанности, изощряясь в остроумии за счет своего лидера.

И лишь в августе 1991 года, после известных потрясений, народ уже привыкший вслед за нардепами острить по поводу и без повода над высшим должностным лицом суверенной державы, внезапно обнаружил, что это «лицо» - порядочный, добрый и беззащитный человек, а вовсе не воплощение «камунистичнай ідэалёгіі», как кричали о том на митингах и факельных шествиях подле здания ЦК КПБ. И оценка, которую публично дал Николаю Ивановичу Дементей его будущий преемник, была высшей из возможных оценок: «При нем не пролилось ни капли белорусской крови!»

Лишь уйдя из большой политики, Дементей проявил себя как политик. Его голос в парламенте обрел уверенность, и хотя выступает Николай Иванович редко, но публичная поддержка его практически гарантирует подержанному решению прохождение. Ибо личная порядочность Дементей исключает какие-либо подозрения в коррумпированности и предвзятости.

II. ПЕЧАТЬ. (ШУШКЕВИЧ)

Стартовые позиции Станислава Станиславовича Шушкевича на пути его спикерства были блестящи. Он представлял собой полный контраст предшественнику - Дементей: член-корреспондент Академии наук Беларуси, потомственный интеллигент, а потому демократ и носитель традиционной для интеллигенции оппозиционности. Сын известного писателя, пострадавшего в годы культа личности, Шушкевич прекрасно владел и государственным языком, и языком межнационального общения. Не боится митингов и публичных дискуссий. Лобастый, не лезущий за словом в карман, он в конце концов стал Председателем того самого Верховного

Совета, который еще немногим более года назад отказал ему в этом, предпочтя Дементей. Секретарь ЦК партии тогда казался номенклатурной парламентской «большасцй» более надежным и «своим», чем секретарь парткома БГУ. Но время изменилось, и понадобился новый спикер.

В 1991 году, выбирая между Кебичем и Шушкевичем после нескольких месяцев парламентского безвластия, депутаты метались, не в состоянии прийти к окончательному решению. В конце концов умудренный жизненным опытом Вячеслав Францевич решил подожать звездного часа и снял свою кандидатуру с голосования. Демократ Шушкевич прошел таким образом в спикеры де-факто на безальтернативной основе. Другого кандидата после самовыхода Кебича не было - об этом сказал парламентарий Дементей, также выдвинутый, но не желавший далее испытывать судьбу и баллотироваться повторно.

В паре «Дементей - Шушкевич» Шушкевич играл роль интеллигента-консенсусника, попавшего во власть. Сама эта пара, как известно, возникла на заре белорусского парламентаризма как результат известного компромисса между парто- и демократами. После путча она распалась, и Шушкевич утратил столь выигрышный фон. Встал вопрос о имидже уже не оппозиционера во власти, а носителя власти.

И здесь Шушкевич делает шаг, говорящий о нем как о самостоятельном политике. Он выступает в качестве одного из отцов Вискулевских соглашений. Наряду с всенародно избранными президентами России и Украины, спикер коллегиального высшего законодательного органа подписывает договор, положивший конец существованию одной из могущественнейших держав мира. Шушкевич входит в историю.

Вместе с ним этот же договор подписал и премьер-министр Беларуси Вячеслав Кебич. Но о его подписи вспомнили лишь накануне президентских выборов. У народа осталось впечатление: решение принято Шушкевичем. Впечатление стало клеймом. Можно было дальше делать сколько угодно заявлений, объяснять, что Союз был невозможен без Украины, что необходимо было убрать центральные органы власти, - бесполезно. Даже ратифицировавший соглашения Верховный Совет свалил свою коллективную долю ответственности на одиночку Шушкевича.

Станислав Станиславович попытался буквально реализовать принцип напарничности спикера. У Дементей была естественная фракция, связанная партийной дисциплиной, - фракция правящей партии. Шушкевич воспарил над схваткой. В результате он потерял опору в лице поддерживавшего его БНФ и не стал своим для посткоммунистического большинства. Поиски «згоды» привели к нагнетанию конфронтации.

По-видимому, Станислав Станиславович должен был мучительно переживать создававшуюся ситуацию. И переживания заставляли его, достаточно осторожного обычно человека, совершать ошибку за ошибкой. Этим блестяще пользовались политические оппоненты Шушкевича с обеих сторон. Публично отбрил по заслугам хама - стало быть, демонстрирует свою академическую нестерпимость к «инашадумцам» и высокомерие, говорит на правильном белорусском языке - «националист», принимает

решение - много на себя берет, не принимает решения - бездельничает.

Можно было спускаться в шахту, сидеть в универсамы и принимать Клиптона - это было абсолютно бесполезно. Она ставалась чужим и народу, и парламенту. Дементей не нуждался в имидже - Шушкевич не смог и не захотел его создать. И когда парламент отбросил его как нечто мешающее, народ промолчал.

Сам Шушкевич ничего не понял. И когда он, безусловно, имевший шанс вернуться, сделал фальстарт и вылезал в президентскую гонку, он проиграл. Ему нужно было переждать. И в этом случае «большая тройка» в составе Лукашенко - Кебич - Позняк, как ни странно, могла обеспечить выборам статус «не состоявшихся» (просто во второй тур вместо Кебича вышел бы Позняк).

Он пришел к власти как последний из плеяды политиков, приведенных Горбачевым. И все положительные и отрицательные черты, свойственные Горбачеву, стали его чертами - чертами одного из свергнувших Горбачева.

Он не дождался в свой адрес добрых слов преемника и, уйдя от власти в результате инспирированного отринутыми им же бывшими союзниками, получил вслед из уст Мечеслава Гриба сакраментальное: «Сообщаю вам, что вчера мы на президиуме рассмотрели вопрос об обеспечении бывшего Председателя Верховного Совета... Не шумите, поработал человек - действуем в соответствии с законом...»

Он мог стать белорусским Бразаускасом - лидером, объединившим народ вокруг идеи строительства национальной государственности. Она осталась неприкрытым, невостребованным Шушкевичем.

III. ИМИДЖ. (ГРИБ)

Власть пришла к Мечеславу Ивановичу случайно, но в полном соответствии с открытым еще Аристотелем законом необходимости и закономерности. В силу данного закона Гриба избрали на пост спикера закономерно - поскольку на смену «не вполне своему» Шушкевичу нужен был «в доску свой».

Плоть от плоти и кровь от крови парламентского большинства - и необходимо - поскольку из членов Президиума Верховного Совета он чисто биографически был наиболее нейтрален. Кадровый милиционер, генерал МВД, он не только не участвовал в разгонах политических митингов, но даже имел некоторое отношение к пресловутому «витебскому делу».

Но была еще одна причина. Мечеслав Гриб находился - по милийским понятиям - на пенсии. Как говорилось в известном советском вестерне, «хороший дом, хорошая жена - что еще нужно человеку, чтобы встретить старость?»

Таковы были стартовые предпосылки политического восхождения Мечеслава Гриба: генерал милиции, - стало быть, любит порядок; пожилой человек, пенсионер, - значит, не честолюбив и не перейдет на президентских выборах никому дороги.

И Гриб последовательно находился в тени признанного вожжа парламентского большинства Вячеслава Кебича. Единственный раз он действительно вышел из этой тени - мы имеем в виду его заявление накануне выборов, которое словно сигнализировало избирателю не волноваться, если выборы не состоятся - есть надежный и спокойный исполнительный обязанности. Но на его счету уже была принятая парламентом под его руководством и им подписанная новая белорусская Конституция - так сказать, признание Историей его организаторских способностей.

Мечеслав Иванович мирно находился на политической «скамейке запасных», наблюдая за «битвой титанов» - поединком Кебича и Лукашенко. Он выжидал. И победа Лукашенко, ставшая явным поражением Кебича, не стала поражением Гриба. Он не пал вместе с прокебичевским депутатским большинством, он смог изменить свой политический имидж и сформировать новое большинство.

Спикер начал работать на контрасте с президентом. Молодой, горячий президент - и опытный, уравновешенный спикер. Президент, говорящий на безукоризненной «троянке», - и в меру качественный белорусский язык спикера (именно в меру - дабы не раздражать русскоязычное население). Президент начисто лишен чувства юмора - спикер непринужденно острит в своих интервью по поводу очередных глупостей президентской команды. Яростно стремящийся в объятия к России президент - и последний оплот суверенитета в столь выразительном лице Председателя Верховного Совета.

С момента окончательного формирования имиджа Мечеслава Ивановича Гриба можно с уверенностью говорить, что парламентской оппозиции как таковой больше не существует. Есть парламентская оппозиция президенту в лице всего парламента. И эту оппозицию нельзя обвинить в неконструктивности, поскольку именно она принимает законы и постановления, именно она является единственным легитимным законодательным органом Республики Беларусь.

Сегодня у Мечеслава Гриба несомненный расцвет. Его небольшой, но стабильный политический рейтинг неуклонно растет, что открывает ему в перспективе относительно свободную дорогу в новый состав Верховного Совета. Не исключено,

что он не станет в нем спикером (снаряд дважды в одну воронку не падает), но он будет оставаться одной из ключевых фигур нового депутатского корпуса. Он уже не тот брюзгливый и внешне туповатый милийский генерал, публично являвший по поводу своего предшественника на посту спикера. Он - первый белорусский политик, самостоятельно создавший себе иной имидж, нежели тот, что у него был, совершивший наиболее невероятную и стремительную эволюцию, не потерпевший до сих пор ни одного поражения. И поэтому именно Мечеслав Гриб сегодня - политик намер один Республики Беларусь.

Поскольку Мечеслав Иванович не ушел пока из председательского кабинета, будем считать именно эту формулу промежуточным итогом его деятельности.

